

ной из заметок говорит о «небогатой» рифме *Параша—краше* (заударный диссонанс). Те же авторы дают следующие образцы рифм «богатых» или «полных»: *пленяет—сохраняет* (Я. Толмачов); *добро—сребро, совет—ответ, боги—строги, всесильный—обильный* (Н. Остолопов); *Параша—каша* (Державин).⁵⁴ Иначе говоря, для конца XVIII—начала XIX в. «богатая» или «звонкая» — это точная рифма. «Бедная» — ассонансы, приблизительные рифмы, заударные диссонансы и т. п. Следует обратить особенное внимание на то примечательное обстоятельство, что и Толмачов, и Остолопов приводят исключительно стандартные рифмы (а Толмачов и глагольные к тому же), характерные и для классицизма, и для сентиментализма. Понятие рифмы «банальной», «тривиальной», а также «бедной глагольной» в описываемую эпоху не существовало и существовать не могло из-за того, что в основе рифмовки вообще лежали типологические наборы и устойчивые пары созвучий.

Все это заставляет признать подробную характеристику рифмовки Карамзина, данную Ю. М. Лотманом,⁵⁵ ошибочной, основанной на критериях, исторически более поздних.

Во-первых, само понятие «банальности» рифмы утвердилось позже, а Карамзин пользовался теми же стандартами, что и Княжнин, М. Храповицкий, Дмитриев, Бухарский, Колмаков, отчасти Львов, Капнист, Крылов, Плавильщиков и т. д. (кроме Муравьева после 1775 г., Державина после 1779 г., Востокова и некоторых других).

⁵⁴ Я. Толмачов. Русская поэзия в пользу юношества, обучающегося в Харьковском коллегии, М., 1805, стр. 3—4; *Словарь древней и новой поэзии*, составленный Николаем Остолоповым, ч. III. СПб., 1821, стр. 17; Державин, т. III, стр. 737.

⁵⁵ «Карамзин имел смелость употреблять рифму, которая в поэзии XVIII в. традиционно считалась плохой, причем подчеркнуто избирал наиболее доступные, тривиальные рифмы... Банальные рифмы были решительно запрещены: их употребляли только плохие поэты, не умеющие находить лучшие рифмы. Карамзин позволил себе их употребление... В традиционной для XVIII в. поэтической системе подобные рифмы могли лишь рассматриваться как свидетельство авторского неумения, низкого качества стиха... „Небрежные“ рифмы допускались в песне и романсе и поэтами, исторически предшествовавшими Карамзину (например, поэтами школы Хераскова)... Простота и небрежность, безыскусственность становились синонимами поэтического... На фоне поэзии Державина лирика Карамзина должна была производить впечатление обедненной» (Ю. М. Лотман. *Поэзия Карамзина*, стр. 30—31). «Карамзин не разрушал антитезу высокого и низкого в поэзии, а игнорировал ее, поэзия Карамзина вообще с нею не соотносилась» (там же, стр. 29). Об «эстетике отказов» см. там же, стр. 28, 38 и др.